

Проблемные аспекты концепции божественного наказания в древнерусском праве

© Ю.В. Оспенников

Херсонский государственный педагогический университет, Скадовск, 275700, Россия

Рассмотрена концепция божественного наказания, которая не только широко распространена в идейном пространстве древнерусских текстов, но и сохраняется в современном мире на уровне обыденного и религиозного мировоззрения. Показана связь указанной идеологии с эволюцией института мести. Отмечено, что, несмотря на преобладающую оценку принесенных на Русь христианской церковью элементов как прогрессивных, это влияние имело более сложный и противоречивый характер. Например, тексты Священного Писания, отражая реалии разных общественно-экономических укладов, могли использоваться для обоснования как прогрессивных тенденций, так и архаической правовой традиции или ее отдельных институтов, в том числе института частноправовой расправы. Исследована связь идеологии «божественное наказание» с системой иррациональных доказательств, которые применялись в древнерусском праве. Показано, что эта взаимосвязь, как и в целом иррациональный характер так называемых ордалий, в научной литературе раскрыта недостаточно. Рассмотрен вопрос о том, насколько иррациональный характер идеологии «божественное наказание» являлся осознанным. Ответ на этот вопрос зависит от социальной принадлежности конкретного субъекта, определяющей его восприятие справедливости системы регулирования общественных отношений. Выявлено, в какой мере концепция божественного наказания воспринималась как действующий элемент древнерусского права. Сделан вывод, что ключевое противоречие связано с сохранением идеологии «божественное наказание» в современном церковном праве, несмотря на объективный процесс изживания иррациональных элементов общественного правосознания.

Ключевые слова: древнерусское право, церковное право, божественный суд, система доказательств, древнерусские идеологии

Статья посвящена теме, которая в новейшей историографии (1991–2026) все чаще привлекает внимание исследователей [1–3]. Автор не претендует на полное раскрытие общественно-политических и правовых аспектов идеи божественного наказания в древнерусской традиции. Акцент был сделан на общетеоретическом контексте, в котором эту тему предлагается рассматривать, и на выявлении нескольких проблемных аспектов. Для того чтобы максимально последовательно раскрыть логику мысли и подчеркнуть поставленные проблемные вопросы, обстоятельность аргументации была сознательно ограничена до нескольких общих отсылок к конкретным показательным текстам или массивам фактического материала.

Идея божественной воли и божественного наказания весьма широко представлена в памятниках древнерусской письменности: в летописях, агиографической литературе, актах публично-правового

и частнопроводного характера. В этом смысле вполне можно рассматривать не только идею, а идеологему, т. е. базовый элемент массовой идеологии. Данная идея (или идеологема) непосредственно связана с другой, имеющей гораздо более масштабное значение, — идеей справедливости.

В условиях классового общества осознание несправедливости общественного устройства и попытки «найти справедливость» являются чрезвычайно актуальными и пронизывают всю общественную жизнь. В средневековой Руси, в условиях господства религиозного мировоззрения, острая потребность в справедливости находила проявление в том числе в вере в божественное наказание. С этим тесно связана идея высшей справедливости, которая якобы так или иначе проявится, и злодея постигнет наказание. Как это весьма емко и образно было выражено в одной из церковных грамот: «Ино Божьей милостью правые правы бывают, а виноватые в казни» [4, ст. 305]. Приведенная цитата достаточно точно раскрывает суть идеологемы божественного наказания.

Несмотря на отсутствие каких-либо уверенных подтверждений этой идеи (скорее напротив, общественные реалии показывают обратную зависимость), даже в современном массовом сознании она имеет широкое распространение и является одним из массовых иррациональных убеждений. Более того, идеологема божественного наказания до сих пор является актуальным элементом церковного права, по крайней мере в формальном отношении. В рамках этого вопроса важно разграничить два аспекта: формальный, т. е. фиксацию на формальном уровне, на уровне доктрины, и степень распространенности данного убеждения среди священнослужителей. Последний аспект представляет собой отдельный проблемный вопрос, требующий специального исследования.

В средневековом обществе, в условиях господства религиозного мировоззрения, острая потребность в справедливости находила проявление в том числе в вере в божественное наказание, т. е. вполне уверенно можно утверждать, что это иррациональное убеждение было распространено в массовом сознании значительно шире. Тем не менее, такая же проблема, т. е. вопрос, насколько верили в практическую реализацию рассматриваемой идеологемы, — весьма актуален применительно к русскому Средневековью.

Первый проблемный вопрос, который можно выявить в рамках рассмотрения идеологемы «божественное наказание», — ее связь с эволюцией института мести. Эта связь представляется достаточно прозрачной: большой массив древнерусских текстов содержит прямое употребление термина «месть» в контексте рассуждений о божественном наказании, вследствие чего институт мести непосредственно

соотносится с божественной волей. Например, в рассказе о противостоянии Ярослава и Святополка Владимировичей летописец, имея в виду убитого на Альте Бориса, вкладывает в уста Ярослава слова: «Кровь брата моего впиеть к тебе, владыко. Мсты кровь праведного сего» [5, с. 23]. Далее логично следует рассказ о «помощи ангела» в ходе битвы, а при описании последующего бегства Святополка подчеркивается иррациональный страх князя, что объяснимо, по мнению летописца, действием божественного наказания: «...и пробежа Лядскую землю, гоним божиим гневом» [5, с. 23].

В некоторых случаях «проявления» божественной воли обусловлены конкретной угрозой, которую летописец живописует в качестве явного зла. Например, в рассказе о походе Мама 1380 г. его сразу объявляют «безбожным», поэтому вполне закономерно и «божественное вмешательство»: «И поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю, а Мамаевы полци поганьстии побегоша, а наши за ними, биючи и секучи поганых без милости...» [5, с. 29, 30]. В рассказе о приближении войска Тимура в 1395 г. создан утрированный образ «врага христианства», а его поход предстает как наказание за грехи: «Попущением божиим неким, грех ради наших, изыиде гордый, суровый и безчеловечный, да сице реку не имы вида человека, но весь мръзок и безобразен и немилостивый, от вьсточных страны, иже отто Агары рода Темир, зело убо дыша, зело же хваляся на христиан, на овца Христовы паствы, паче же и на самое Христово имя» [5, с. 30].

Однако у этой страшной картины есть другая сторона, на которую обращает внимание П.И. Гайденко: божественное наказание могло представляться в виде божественной милости. Именно так Гайденко рассматривает суд и последовавшую чрезвычайно жестокую расправу над епископом Феодором, прослеживая связь в летописном рассказе с сообщением о произошедшем в то же время «чуде» [6].

Эти сложные отношения земного и небесного правосудия должны прежде всего раскрываться на основе общего для средневековой идеологической парадигмы взаимодействия небесной и земной иерархий [7], в рамках которого для религиозного мировоззрения «земная» логика имеет объяснение через «небесную». Для такого сознания в идеальном плане нет места несправедливости, поэтому в том случае, если земная иерархия не справляется с наказанием несправедливости, логично ожидать божественного вмешательства, исправляющего этот изъян.

Некоторые исследователи рассматривают отношения небесной и земной иерархий в сфере правосудия как «соперничество» земного и небесного суда [8, с. 153]. Этот элемент, несомненно, присутствует, но ключевым является другое направление взаимодействия: земная

иерархия следует за небесной, не обладая полной самостоятельностью и представляя собой упрощенное отражение последней. При такой постановке вопроса никакое полноценное соперничество невозможно.

Парадигма взаимодействия небесной и земной иерархий выступает ярким проявлением идеалистического подхода, при котором идея предшествует общественной практике. Отсюда происходит распространённое в научной литературе утверждение, что институт мести вытесняется под влиянием христианства. Однако при этом справедливо отмечается, что сами церковные средневековые авторы выступали с двойственной позиции, далеко не всегда осуждая институт мести [9, с. 170]. В целом необоснованность идеи о вытеснении института мести христианством раскрывается общей логикой воздействия материальных оснований на эволюцию данного института. Воздействие христианской идеологии в конкретных обстоятельствах имело место, но носило не определяющий, а второстепенный характер, что доказывается обращением к аналогичным процессам в обществах, не испытывавших влияния христианства. Например, в афинском праве ограничение мести происходит задолго до появления христианства на соответствующей стадии общественного развития, на завершающем этапе распада родовой общины. Таким образом, на процесс ограничения института мести в первую очередь влияли материальные основания, и невозможно преувеличивать значение церковно-религиозного фактора, действие которого имело второстепенный, дополняющий характер.

Идея божественного наказания как мести за нарушение установленных высшей силой правил, земной иерархии, которая восходит к небесной, отражена в эпизоде с брянским князем Святославом и митрополитом Петром (1310). Митрополит предлагает Святославу уступить княжение выступившему против него с татарским отрядом князю Василию (или поделить его, как это представлено в Супрасльской летописи) [5, с. 45], но Святослав надеется отбиться, — так летописец обозначает конфликт, который разрешается «закономерно» с точки зрения летописца: «ослушавшийся» митрополита князь терпит военное поражение, а митрополит «затворился в церкви» и остался цел. Логика, которая определена «божественным законом», повторяется в земных делах, летописец подчеркивает эту обоснованность цитатами из Писания: «Сын ослушлив приимет месть, надеющи бо ся силе своеи погыбнут» и «Избавлю избранного моего от оружия люта и съхраню входы его и исходы» [5, с. 27].

Вновь божественное наказание предстает в качестве синонима мести, это отождествление опирается на авторитет Писания. В данном контексте особенно значима аналогия между небесной и земной иерархиями: если в идеально мыслимом небесном плане неизбежно

наступает справедливая расплата, то и в земном мире должен соблюдаться тот же принцип. В случае, когда земные судьи не в состоянии обеспечить должное воздаяние, предполагается некое небесное вмешательство, это позволяет сохранить твердую аналогию между небесным и земным порядками.

Эта модель обыгрывается еще раз в летописном рассказе под 6861 г. о «замятне в Царьграде»: патриарх указывает узурпатору-царю освободить престол, а новый правитель игнорирует это требование. После чего патриарх удаляется из Константинополя в Солунь, а в столице происходит землетрясение — очевидное «божественное наказание» [5, с. 29]. Здесь вновь соотношение земной и небесной иерархий раскрывается через соотношение светской и церковной властей, из которых последняя ближе к небесной.

В приведенном выше летописном рассказе отношения митрополита Петра и брянского князя Святослава подаются летописцем как отношения отца и сына, т. е. митрополит здесь ставится выше конкретного князя. В уста обоих персонажей вкладываются слова, прямо подтверждающие эту модель: митрополит обращается к князю, именуя его «сыном», а Святослав в изложении летописца называет митрополита «господине». Скорее всего, данная модель отношений митрополита и князя является не отражением реальных отношений начала XIV в., а переносом той модели отношений церковных иерархов и светских властителей, которая выстраивалась Церковью в XV в. на основе стремительно увеличивающегося экономического могущества церковной корпорации.

Более близким к реальным условиям рубежа XIII–XIV вв. видится рассказ о смещении владимирского епископа Иакова, который в своем послании конца XIII в. к великому князю Андрею Александровичу допустил модель обращения «отец — сын». О недопустимости такого рода обращения свидетельствует то, что смещение епископа последовало сразу, как только прибыл новый митрополит Максим (об этом тексте подготовлена обстоятельная статья П.И. Гайдено [10]).

Иррациональный характер проявлений божественной воли прослеживается во многих других летописных рассказах, напрямую не затрагивающих вопрос «наказания». Так, божественная воля усматривается там, где неожиданное вмешательство природных сил ломает выстроенные людьми планы. Например, князь Свидригайло Ольгердович спланировал совместный поход с лифляндским мейстером на литовского князя Жидимонта, их силы уже встретились, но внезапные природные явления заставляют союзников отказаться от похода: «И божиим повелением паде на землю моча велика, за тым же не можааху в Литовьскую землю пойти» [5, с. 35]. Это неожиданное

изменение погоды, сломавшее планы союзников, выбивается из рационального изложения хода событий, и ввиду невозможности его убедительно разъяснить, приобретает характер иррационального элемента, связанного с проявлением воли неких высших сил, непостижимых для человека.

Однако, несмотря на эту априорную непостижимость, летописи раз за разом демонстрируют попытки объяснить логику «божественной воли», как это можно видеть в вышеприведенном рассказе о брянском князе Святославе и митрополите Петре. В рассказе о знамениях перед Невской битвой летописец пытается объяснить божественное вмешательство родственными отношениями между святыми Борисом и Глебом и Александром Ярославичем: «...и виде насад гребущи, и посреде насада стояща Бориса и Глеба в одеждах чръвльных... Рече Борис: Брате Глебе. Вели грести, да поможеве сроднику нашему Александру» [5, с. 26].

Таким образом, наблюдается любопытный парадокс: хотя идеология «божественное наказание» (и, шире, «божественное вмешательство») — явно выраженный иррациональный элемент, но даже в его рамках летописец пытается выстроить логическую цепочку, т. е. найти твердое рациональное основание. Нельзя игнорировать, что даже в рамках модели религиозного мировоззрения, где вполне естественным является обращение к иррациональному для замещения отсутствующих элементов картины окружающего мира, летописец, тем не менее, ищет рациональные основания.

Интересно, что в летописях можно найти не только примеры, но и разоблачение рассмотренной выше логики идеологии божественного наказания. Так, приводя рассказ о походе Олега, летописец упоминает об иррациональном заблуждении греков, которые увидели в этом нашествии божественную волю («Несть сеи Олег, ино святыи Домитреи послан на ны» [5, с. 38]), при этом для самого летописца очевидно, что это всего лишь заблуждение греков: по его мнению, здесь нет места для иррационального объяснения, поскольку вся последовательность событий достаточно ясна. Приведенный пример заставляет задуматься о том, насколько иррациональность рассматриваемой идеологии являлась осознанной для современников. Скорее всего, этот вопрос не имеет пока однозначного решения в целом, но в отдельных случаях, подобно вышеприведенному, он вполне может иметь ответы. Важно при этом зафиксировать, что идеология «божественное наказание» выступает иррациональным элементом мировоззренческой картины и обладает ярко выраженной иррациональной природой.

Можно сделать промежуточный вывод по первому обозначенному проблемному аспекту. В научной литературе преобладают указания на

прогрессивные для развития права элементы, принесенные на Русь христианской Церковью из общества, стоявшего на более высокой стадии общественно-экономического развития. Однако тексты Священного Писания отражают и включают в себя реалии разных общественно-экономических укладов. Опираясь на эти тексты, можно было обосновывать не только объективно прогрессивные для Древней Руси элементы, но и архаическую правовую традицию и отдельные ее институты, в том числе институт частноправовой расправы вообще и институт кровной мести в частности. В этом смысле, несмотря на распространенное мнение, что христианство вытесняло институт мести, рассматриваемая идеология объективно способствовала продолжению существования обычноеправовой традиции, в том числе ее архаических институтов, одним из которых был институт мести.

Проанализировав памятники права XII–XV вв., можно отметить, что в течение столетий этот институт продолжает жить, и церковное право (в том числе через отдельные идеологии, вносимые христианством) поддерживало институт частноправовой расправы. Это еще одно проявление диалектического значения церковного права, которое, с одной стороны, способствовало прогрессивному развитию древнерусского права, а с другой — поддерживало явно архаическую тенденцию.

Второй проблемный аспект рассматриваемой идеологии видится в том, что в научной литературе практически не раскрыта ее связь с системой иррациональных доказательств, применявшихся в древнерусском праве. По этой теме недавно была подготовлена большая и интересная статья П.И. Гайдено, в которой он поднимает вопрос соотношения таких понятий, как божественный суд, божий суд и система ордалий [6]. Павел Иванович ставит несколько вопросов:

- 1) имеют ли ордалии отношение к христианству?
- 2) участвует ли в этом бог?
- 3) верно ли ограничивать божественное правосудие судебной ордалией?

Таким образом, связь божественного суда в широком смысле и божественного наказания как его компонента хорошо осознается в научной литературе.

В связи с рассмотрением ордалий как божьего суда логичным является тщательное внимание к жребию, поскольку только его церковь признавала в качестве допустимого вида ордалий. Гайдено приводит обстоятельный перечень примеров, иллюстрирующих глубокую традицию применения жребия, которая выходит за пределы существования христианства, а в рамках древнерусской правовой традиции имеет еще дохристианские корни [6].

Здесь вновь перед исследователем встает уже озвученный выше вопрос — насколько современники осознавали иррациональную природу проводившихся процедур и насколько были в них вовлечены? Древнерусского фактического материала по этой теме очень мало, но, поскольку сама процедура жребия имеет дохристианскую природу, в различных обществах можно наблюдать ее практику и профанацию (в греческих полисах, в Риме и др.).

В древнерусских землях процедура жребия ярче всего представлена в выборах новгородского владыки, хотя есть крайне интересное описание избрания тверского епископа Антония посредством жребия в 1411 г. В этом сюжете показана конкуренция тверского и московского претендентов, за которой отчетливо стоит княжеская власть Твери и Москвы. Один из последних разборов данного сюжета принят в статье С.Ю. Тарабрина [11], выводы которого при всей обстоятельности его труда вызывают возражения.

Первое из них связано с выводом Тарабрина об уменьшении роли князя в выборе епископа. Исследователь фокусируется только на роли тверского князя и игнорирует роль московского. Между тем это два соперника, и в то время как роль одного князя очевидно уменьшалась, роль другого, напротив, возрастала настолько, что он мог провести своего кандидата в ином княжестве: московский кандидат побеждает именно благодаря выросшему могуществу московского князя и его влиянию в других княжествах, а сам сюжет укладывается в канву более общего процесса усиления власти московских князей.

Второе возражение вызывает утверждение Тарабрина, что жребий не мог гарантировать избрание нужного кандидата. Автор настоящей статьи полагает, что это пример чрезвычайной наивности, правового идеализма. Например, в истории средневековой Европы достоверно известно немало подтвержденных случаев манипулирования процедурой жребия (во Флоренции, в Венеции и др.) [12, 13], когда конкретная властная группировка получала посредством религиозного ритуала тот результат, который был ей необходим. Нет оснований полагать, что в древнерусских землях была другая ситуация, поэтому очевидной наивностью будет утверждение, что процедура жребия являлась неконтролируемой.

Но наряду с этим в массах было широко распространено безусловное доверие религиозной картине мира. Здесь можно предполагать, что чем более высокое место занимал человек в социальной структуре, чем ближе он был к принятию властных решений, тем меньше у него было наивности применительно к закулисной стороне религиозных ритуалов. О распространенности такого доверительного отношения, например, свидетельствуют многочисленные описания «чудес», подобные рассказу о «чудесах», происходивших от иконы Богородицы под 6922 г.: «...от иконы святая Богородица явилося

чюдо, много прощения слепым и хромым, расслабленным, ея же не можеть ум человекъ сказати» [5, с. 33].

Подводя промежуточный вывод по второму проблемному аспекту, можно отметить, что связь идеологемы «божественное наказание» с системой доказательств нужно рассматривать через призму фундаментального основания — оба явления имеют иррациональную природу, выступают элементами иррациональных представлений об окружающем мире. Данное основание должно служить отправной точкой для рассмотрения вопроса о связи ордалий с идеологемой «божественное наказание». При этом ответ на вопрос, осознавался или не осознавался иррациональный характер рассматриваемой идеологемы, требует классового подхода, поскольку ответ будет различаться в зависимости от социальной принадлежности носителя средневекового правосознания. Значение имел не только уровень образованности конкретного субъекта, но и уровень обеспеченности, а следовательно, и правовой защищенности, что прямо влияло на восприятие степени справедливости существующей системы регулирования общественных отношений.

Отдельную проблему представляет выяснение вопроса, насколько «божественное наказание» рассматривалось древнерусским правосознанием в качестве действующего элемента существующего права. Учитывая господство религиозного типа мировоззрения в это время, наиболее очевидным видится ответ, что да, рассматривалось как реальный действующий элемент, и эта позиция находит выражение в научной литературе. Например, Гайденок пишет: «И все же нельзя не признать, что акт Божественного суда для церковных лиц был не фикцией или метафорой, призванными компенсировать земную несправедливость, а реальным явлением Божественного правосудия» [6]. При этом он отмечает, что следовало бы ожидать признания происходившего божественного вмешательства хотя бы со стороны иерархов и духовенства, однако «именно этого... и не происходило». Таким образом, даже признавая действительный характер этого элемента правосознания, Гайденок вынужден отмечать имеющиеся противоречия.

В качестве действительно сильного аргумента в пользу того, что «божественное наказание» рассматривалось как действующий элемент права, можно привести применение сакральной санкции в правовых актах. Однако, судя по имеющемуся массиву правовых актов, мало кто полагался на «божественное наказание» как на реальное средство правовой защиты, об этом свидетельствует то, что сакральная санкция, как правило, соседствует со светской или вообще грамота содержит только светскую санкцию. При этом нередко сакральная санкция содержит указание на Страшный суд, т. е. это та

самая ситуация, когда почти нет надежды, что земная иерархия срабатывает, так что приходится рассчитывать только на небесную иерархию.

Наконец, подобно тому как изживаются иррациональные доказательства, сакральная санкция, включающая угрозу божественным наказанием, тоже постепенно уходит. Тема анализа соответствующей клаузулы древнерусских грамот слишком обширна, чтобы углубляться в нее в рамках настоящей статьи, поэтому ограничимся общими наблюдениями. В актах XIV–XVI вв., например, из собрания «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», представлено крайне малое количество случаев применения сакральной санкции даже в ситуациях, связанных с церковной собственностью и монастырскими властями [14]. Наиболее очевидный ответ на вопрос, почему в этих документах не найдена сакральная санкция, заключается в том, что, видимо, сами участники правоотношений не рассматривали данную санкцию как эффективное реально действующее средство.

В заключение можно выявить противоречие, которое автор настоящей статьи рассматривает как ключевое в контексте заявленной темы. С одной стороны, эволюция права демонстрирует постепенное изживание иррациональных элементов по мере расширения сферы человеческого знания и совершенствования юридической техники (особенно наглядно это проявляется в постепенном исчезновении системы иррациональных доказательств). В этом смысле идея божественного наказания для современного общества является очевидным анахронизмом. С другой стороны, данная идея — органический элемент традиции церковного права, поскольку полностью соответствует преимущественно иррациональной природе религиозного мировоззрения. Указанное противоречие напрямую отражается в современных попытках воссоздать церковное право, однако это отдельная проблема, выходящая за пределы темы настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Субботин Ю.В. «Кара небесная» и светское уголовное наказание в правовой доктрине Б. Спинозы. *Ленинградский юридический журнал*, 2008, № 2 (12), с. 180–186.
- [2] Линько А.В., Логинов А.В. Судебный процесс, наказание и божественное возмездие в микенское время. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 2017, № 21, с. 537–562.
- [3] Чебаненко С.Б. Отношение к мести и утверждение идеи божьего мщения: противостояние Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного в изложении древнерусских книжников. *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. материалов XIII Междунар. науч. конф. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»*, 2025, с. 59–60.
- [4] Постановление Иоанна, архиепископа новгородского, о суде Божьем. *Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв.* Санкт-Петербург, 1880, ст. 305–308.

- [5] Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. Москва, Наука, 1980, 306 с.
- [6] Гайденко П.И. О Божественном суде и Божественном отмщении (опыт домонгольской Руси: рукопись (неопубл.). *Личный фонд П.И. Гайденко*.
- [7] Святого Дионисия Ареопагита о небесной иерархии. Москва, Синодальная типография, 1898, 63 с.
- [8] Костромин К.А. Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике. *Quaestio Rossica*, 2022, т. 10, № 1, с. 151–167.
- [9] Чебаненко С.Б. Восприятие и оценка мести древнерусскими авторами: месть Божья и месть людская, *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*, 2024, № 4, с. 168–178.
- [10] Гайденко П.И. «Послание владимирского епископа местному князю»: опыт интерпретации канонического текста: рукопись (неопубл.) *Личный фонд П.И. Гайденко*.
- [11] Тарабрин С.Ю. О роли тверских епископов в церковно-политической борьбе конца XIII — XV в. *Русский исторический сборник*, 2016, вып. 10, с. 268–288.
- [12] Waley D. *The Use of Sortition in Appointments in the Italian Communes, Communes and Despots in Medieval and Renaissance Italy*. Farnham, Ashgate, 2010, pp. 27–33.
- [13] Manin B. *The Principles of Representative Government*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 254 p.
- [14] *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1–3*. Москва, Изд-во Академии наук СССР, 1952–1964.

Статья поступила в редакцию 21.07.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Оспенников Ю.В. Проблемные аспекты концепции божественного наказания в древнерусском праве. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 4. EDN TULFKR

Оспенников Юрий Владимирович — канд. истор. наук, д-р юрид. наук, профессор кафедры юриспруденции Херсонского государственного педагогического университета. e-mail: desmandado@yandex.ru

Problematic Aspects of the Concept of Divine Punishment in Old Russian Law

© Yu.V. Ospennikov

Kherson State Pedagogical University, Skadovsk, 275700, Russia

The concept of divine punishment is examined, which is not only widespread in the ideological space of Old Russian texts but also persists in the modern world at the level of everyday and religious worldviews. The connection of this ideologeme with the evolution of the institution of vengeance is shown. It is noted that despite the prevailing assessment of the elements brought to Rus by the Christian church as progressive, this influence had a more complex and contradictory character: for example, the texts of the Holy Scriptures, reflecting the realities of different socio-economic structures, could be used to justify both progressive tendencies and the archaic legal tradition or its individual institutions, including the institution of private justice. The connection of the ideologeme “divine punishment” with the system of irrational evidence used in Old Russian law is investigated. It is shown that this interconnection, as well as the irrational character of the so-called ordeals in general, is insufficiently revealed in the scholarly literature. The question of to what extent the irrational character of the ideologeme “divine punishment” was conscious is considered. The answer to this question depends on the social affiliation of a particular subject, which determines his perception of the justice of the system of regulation of social relations. The extent to which the concept of divine punishment was perceived as an operative element of Old Russian law is revealed. It is concluded that the key contradiction is associated with the preservation of the ideologeme “divine punishment” in modern canon law, despite the objective process of the elimination of irrational elements of public legal consciousness.

Ключевые слова: Old Russian law, canon law, divine judgment, system of evidence, Old Russian ideologemes

REFERENCES

- [1] Subbotin Yu.V. “Kara nebesnaya” i svetskoe ugovnoe nakazanie v pravovoy doktrine B. Spinozy [Justice of heavens and secular capital punishment in Spinoza’s juridical doctrine]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal — Leningrad Legal Journal*, 2008, no. 2 (12), pp. 180–186.
- [2] Linko A.V., Loginov A.V. Sudebnyy protsess, nakazanie i bozhestvennoe vozmezhdie v mikenskoe vremya [Trial, punishment and divine retribution in Mycenaean times]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2017, no. 21, pp. 537–562.
- [3] Chebanenko S.B. Otnosheniya k mesti i utverzhdeniye idei bozh’ego mshcheniya: protivostoyaniye Yaroslava Mudrogo i Svyatopolka Okyannogo v izlozhenii drevnerusskikh knizhnikov [Attitude towards vengeance and the affirmation of the idea of divine retribution: the confrontation between Yaroslav the Wise and Svyatopolk the Accursed in the narrative of Old Russian scribes]. In: *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi. Sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Prilozhenie k zhurnalu “Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki”* [An Integrated Approach to the Study of Ancient Rus. Collection of materials of the XIII International Scientific Conference. Supplement to the journal “Ancient Rus. Questions of Medieval Studies”]. Moscow, 2025, pp. 59–60.

- [4] Postanovlenie Ioanna, arkhiepiskopa novgorodskogo, o sude Bozhyem [Decree of John, Archbishop of Novgorod, on the Judgment of God]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. VI. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1. Pamyatniki XI–XV v.* [Monuments of Old Russian Canon Law. Part 1. Monuments of the 11th–15th centuries]. St. Petersburg, 1880, cols. 305–308.
- [5] *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 35. *Letopisi belorussko-litovskie* [Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 306 p.
- [6] Gaydenko P.I. O Bozhestvennom sude i Bozhestvennom otmschenii (opyt domongol'skoy Rusi: rukopis' (neopubl.)) [On divine judgment and divine retribution (the experience of pre-Mongol Rus: manuscript (unpublished))]. *Personal archive of P.I. Gaydenko*.
- [7] *Svyatogo Dionisiya Areopagita o nebesnoy ierarkhii* [Saint Dionysius the Areopagite on the heavenly hierarchy]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1898, 63 p.
- [8] Kostromin K.A. Kazni zemnye i nebesnye v Drevney Rusi: ot bogoslovskogo osmysleniya k praktike [Earthly and heavenly executions in Ancient Rus: from theological understanding to practice]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 1, pp. 151–167.
- [9] Chebanenko S.B. Vospriyatie i otsenka mesti drevnerusskimi avtorami: mest' Bozh'ya i mest' lyudskaya [Perception and evaluation of vengeance by Old Russian authors: divine vengeance and human vengeance]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh — Paleorosiya. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*, 2024, no. 4, pp. 168–178.
- [10] Gaydenko P.I. “Poslanie vladimirskogo episkopa mestnomu knyazyu”: opyt interpretatsii kanonicheskogo teksta [“Epistle of the Vladimir Bishop to the Local Prince”: an experience of interpreting a canonical text]. *Personal archive of P.I. Gaydenko*.
- [11] Tarabrin S.Yu. O roli tverskikh episkopov v tserkovno-politicheskoy bor'be kontsa XIII–XV vv. [On the role of Tver bishops in the church-political struggle of the late 13th–15th centuries]. *Russkiy istoricheskiy sbornik — Russian Historical Collection*, 2016, iss. 10, pp. 268–288.
- [12] Waley D. *The Use of Sortition in Appointments in the Italian Communes. In: Communes and Despots in Medieval and Renaissance Italy*. Farnham, Ashgate, 2010, pp. 27–33.
- [13] Manin B. *The Principles of Representative Government*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 254 p.
- [14] *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV — nachala XVI v.* [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus of the late 14th — early 16th centuries]. Vols. 1–3. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1952–1964.

Ospennikov Yu.V., Cand. Sc. (History), Dr. Sc. (Law), Professor, Department of Jurisprudence, Kherson State Pedagogical University. e-mail: desmandado@yandex.ru